

ОБЩЕНИЕ И ЛИЧНОСТЬ. БОГОСЛОВИЕ МИТРОПОЛИТА ИОАННА ЗИЗИУЛАСА В СИСТЕМАТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ. [KOMUNION UND PERSON. DIE THEOLOGIE VON JOHN ZIZIOULAS IN SYSTEMATISHER BETRACHTUNG] СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БОРТНИК. – К.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ УКРАИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ, 2017. – 394 с. ISBN 978-966-2371-47-5; 260 ГРН.*

DOI: 10.29357/ISSN.2521-179X.2018.20.21

Данная работа является диссертацией Сергея Бортника, доктора богословия, доцента Киевской духовной академии, которую он успешно защитил в 2013 г. на теологическом факультете Гейдельбергского университета в Германии. Книга состоит из пяти основных частей, а также снабжена содержательным введением.

Во введении автор набрасывает очень важные методологические контуры и задачи. Первым методологическим контуром выступает принцип аналогии (28), подразумевающий целостное описание творчества митрополита Иоанна Зизиуласа, а не концентрацию на какой-то одной черте богословия. Вторым – применение контекстуального метода, позволяющего связать личность и контекст Зизиуласа (32).

В первой части автор довольно последовательно придерживается обозначенного им контекстуального метода. Она состоит из двух неравных блоков, посвященных тематическим сдвигам и персоналиям. Автор обращает внимание, что одной из главных характеристик “нового богословия”, к которому он относит Зизиуласа, был вопрос опыта (48). Ссылаясь на Карла Фельми, автор проясняет это “объемное” и довольно расплывчатое понятие, демонстрируя дистанцию, которая образуется между церковным (литургическим) опытом с одной стороны, и пиетистским (индивидуальным) опытом, а также Эрлагенской школой с другой. Литургический опыт есть опыт общины по преимуществу, и в нем, по словам автора, коренится узловое поле, в котором кристаллизуется важный для Зизиуласа термин “общение”. Среди личностей, повлиявших на Зизиуласа, автор останавливается на С. Булгакове, с его заимствованием у славянофилов “пониманием личности в ее противоположности индивидуальности” (55), Г. Флоровском, с его “возвратом к отцам” и попыткой мыслить в их духе (58), который к тому же был научным руководителем Зизиуласа. Далее С. Бортник отмечает влияние на Зизиуласа Н. Афанасьева и опосредованное влияние А. Хомякова. В конце главы автор уделяет важное место “поколению 1960-х” в греческом богословии (66), деталь, без которой сложно воссоздать цельный богословский контекст митрополита. Это движение характеризуется отходом

* *Статья поступила в редакцию 14.01.2018; утверждена в печать 13.03.2018*

от схоластического языка и метода, поиском своей (греческой) самобытности, “эмоциональном отчуждении от Запада” (68-69), а также возвратом к исследованию греческих отцов, где в центре стояла связь “богословской мысли с духовной жизнью”. Вслед за М. Макридисом автор отмечает критический настрой “поколения 1960-х” к предыдущей богословской традиции и его включенность в общий контекст современного осмысления греческих отцов, начиная с середины 1950-х годов (67-68).

Вторая часть посвящена обзору диссертации Зизиуласа “Единство Церкви в Святой Евхаристии и в епископе на протяжении первых трех веков” (93). Автор дает понять, что хотя диссертация сформулирована исторически, в ней заметна склонность греческого богослова к систематизации. Сергей Бортник артикулирует главную идею диссертации Зизиуласа: это роль епископа в его отношении к евхаристии (96). В то же время Бортник пытается выявить латентную полемику с протестантскими исследователями: с идеализмом школы Б. Бауэра, и диалектикой фон А. Гарнака. Автор полагает, что Зизиулас пытается подкорректировать сосредоточенность современной православной мысли на аспекте приложения святых даров и обратить внимание на самих участвующих, где: “Евхаристия – это ...не столько вещь, сколько действие, не столько причащение “святых вещей”, сколько “причастие святых” (100). В результате “Константинова поворота”, благодаря которому упрочилась связь епископа с административными функциями, а также роль совершителя и предстоятеля в евхаристическом собрании перешла к пресвитерам. С этого времени личность и роль епископа обретают пограничный локус, который далее становится все более и более доминирующим. Оставшаяся часть данной главы автор посвящает критическому отношению Зизиуласа к евхаристическому мейнстриму греческого богословия. Тут следует ограничиться следующим: “объединение средневекового богословия с аналитической методологией” (120), где анализ предполагает разбивку на богословские сегменты, которые могут рассматриваться автономно. Зизиулас противопоставляет им “онтологическое единство”, где проводится существенная связь между евхаристией и Церковью, а также ставится акцент на эсхатологическом и пневматологическом аспекте богословия.

В третьей части автор останавливается на одном из самых важных для Зизиуласа термине – “общение”. В ходе чтения главы складывается впечатление, что идея общения является призмой или путем, благодаря которому Зизиулас проводит определенную ревизию современного православного богословия. Это выражается в смене языка с технически-онтологического к динамическому и экзистенциальному. Предпосылки этой смены прослеживаются в набирающей популярности и важности экклесиологии (нач. с XIX в. и весь XX в.), а также в особом акценте сосредоточенном на пневматологии, который заметен у Зизиуласа: “Церковь учреждена Духом, а не просто Христом” (129). Еще одной предпосылкой смены языка служит эсхатология, которая в свою очередь доминирует у Зизиуласа над исторической реальностью.

Продолжая обсуждение, автор останавливается на понимании служения и апостольской преемственности у Зизиуласа. Он выделяет следующие сегменты в мысли греческого богослова: если в Средневековье считали, что святостью

обладали лишь избранные люди, то по словам Зизиуласа пневматология связанная с христологией делает святость достоянием целого Тела. С другой стороны, он обращает внимание на критику греческого богослова, а именно, на апостольской преемственности как передаче правильного учения. Зизиулас намечает кардинальный сдвиг в области апостольского преемства с передачи идей (учения, объективированными нормами) к пространству Духа и “жизни в целостности”. Этот сдвиг связан с переходом на эсхатологическую платформу, которая тесно связана с работой Святого Духа.

Анализируя связь епископа и общины, автор показывает, что митрополит четко противопоставляет “эклесиологию общения” и пирамидальную структуру, зависимость и связь епископа с общиной, выраженную в евхаристии. По словам С. Бортника, в евхаристии Зизиулас пытается найти золотую середину между общим и частным, вселенским и поместным. Оставаясь в рамках темы общения, автор обращает внимание на экологическую проблематику в творчестве Зизиуласа и ее связи с евхаристией и священством. Современная эпоха слишком рационалистична и часто видит господство человека над творением в превосходстве разума. Зизиулас, по словам С. Бортника, категоричен в этом плане, видя превосходство совершенно в другом: “...в способности относиться таким образом, чтобы создавать событие общения” (183).

Четвертая часть полностью отводится формированию понятия личности в трудах греческого богослова. Автор отмечает, что сам Зизиулас не дает определения личности, она определяется в противостоянии индивиду, замкнутому на самом себе. С. Бортник делает весьма важное замечание о персоналистической проблематике, которая обретает контуры, когда Зизиулас вплотную подходит к проблеме тринитарного богословия (с 1991 г.). Бортник вскрывает важный подтекст этой проблематики, показывая разность богословских акцентов на Востоке и Западе. В то время как Западу характерен христомонизм и поиск исторического Иисуса (XIXв.), Востоку присущ акцент на пневматологии и эсхатологии. Исходя из этого, очерчивается бинарная модель Запад – христомонизм, история, Восток – пневматология, эсхатология. Зизиулас, полагает автор, пытается найти средний путь и задействовать сильные стороны обеих традиций: показать тесную (экономическую) связь христологии и пневматологии. Итогом этой попытки примирения является персонология греческого богослова, где личность осознается христологически в тесном отношении с работой Духа, становится открытой и корпоративной. Корпоративность проявляется не только в связи Христа с Отцом, но и связи с ним христиан. “Такое пневматологическое обоснование христологии... требует видеть в Христе не индивидуальность, утверждающую себя через дистанцирование от других, а Личность, чья особенность открывается и поддерживается в общении” (207).

Конкретизируя мысль Зизиуласа, автор очерчивает философский контекст проблематики. Он верно подмечает что Зизиулас использует внебогословский инструментарий – экзистенциальную философию, персонологию. Они обе развиваются не как богословские течения, но как элемент светской мысли. Это подталкивает митрополита к кристаллизации своей позиции по отношению к философскому обоснованию. Автор полагает, что Зизиулас говорит о философском

обосновании богословия, где богословие должно расширять свои границы и соприкасаться с современной богословской мыслью.

Развивая тему личности, С. Бортник обращает внимание на то, какое место Зизиулас отводит богословию каппадокийцев, именуя этот период “революцией в онтологии”, где “лицо” в Троице – это не случайный и привходящий элемент, но постоянный, бытийный и необходимый. Далее автор концентрируется на противопоставлении природы личности в богословии Зизиуласа, где природа связана с необходимостью, а личность характеризуется открытостью и свободой. Зизиулас видит пагубное влияние в психологизации личности от Августина через Боэция, ставшей магистральной для Запада. В этом смысле он соглашается с В. Панненбергом, который ратовал за отвержение понимания личности как самосознания (И. Г. Фихте).

В конце автор останавливается на анализе понятия “инаковости”, уточняя, что инаковость у Зизиуласа по преимуществу локализуется в лоне тринитарного богословия, где “Отец как причина: личность, порождающая инаковость” (302). Автор тут видит развитие богословия на ранней (горизонтальной) и зрелой (вертикальной) стадии православного богослова. На ранней стадии Зизиулас занимался темой общения и соборности, в контексте соборности разрабатывается вопрос положения епископа, рукоположения, крещения. На поздней стадии Зизиулас сосредоточен больше на вопросе иерархии в Троице и Церкви (инаковость). В инаковости существует асимметрия отношений, в этих отношениях всегда есть кто-то больший, тем самым инаковость иерархична по определению.

Пятая часть одна из самых интересных и важных, тут автор касается критической рецепции Зизиуласа в современном богословии. Он начинает с рассмотрения критики Зизиуласа в области христологии: отход от конкретного (Христос как историческая личность, умершая на кресте) и движение к абстрактному (общение, образ Божий, Христос как “метафизический проводник”). Далее автор останавливается на отходе от апофатики а так же упреках Калиста Уэра и Джона Бэра в отсутствии должного внимания к вопросам аскетики, аскетической борьбы. “Такой недостаток – отнюдь не случайность, так как возвышение общения собранной общины несет за собой умаление значения аскетического напряжения отдельного христианина” (323). С. Бортник фокусируется на отношении Зизиуласа к патристическому наследию. Митрополита критикуют за слишком вольное обращение с древним текстом: он ставит огромное ударение на темы, которые или находились в становлении, или не выполняют той опорной и главной задачи как в случае с Зизиуласом. Автор возражает, что некорректно считать Зизиуласа патрологом или историком в строгом смысле этого слова, а скорее систематиком, пытающимся истолковать предание восточной Церкви в современном контексте. Говоря о данности и заданности личности и ее осуществлении в эсхатосе, автор переходит к важному методологическому моменту “аналогии”. Рассматривая тот положительный момент, благодаря которому принцип аналогии сыграл в современном богословии, украинский богослов все-таки отмечает большое количество сдержанных отзывов на это счет.

Диссертация С. Бортника написана добротной, емкой, всесторонней. Язык изложения не загроможден сложной терминологией, что делает труд доступным широкому кругу читателей, но при этом диссертация не теряет глубины и сосредоточенности. С другой стороны, заметим, что в диссертации не так много места отводится Максиму Исповеднику. Если на каппадокийцах автор останавливается более детально, то преподобному Максиму в этом повезло намного меньше, учитывая тот фактор, что одна из двух диссертаций Зизиуласа была посвящена именно ему. Тем не менее, несмотря на большое количество затрагиваемых тем, стоит с уверенностью признать, автор справился с задачей и был верен методу, описанному в начале работы.

Андрей Кучерявый,
Одесская богословская семинария
Одесса, Украина
ORCID: 0000-0001-5547-2679

*OBSHCHENIE I LICHNOST'. BOGOSLOVIE MITROPOLITA IOANNA ZIZIULASA V SISTEMATICHESKOM RASSMOTRENII. [KOMUNION UND PERSON. DIE THEOLOGIE VON JOHN ZIZIOULAS IN SYSTEMATISCHER BETRACHTUNG] BY SERGEI MIKHAILOVICH BORTNIK. KYIV: IZDATEL'SKII OTDEL UKRAINSKOI PRAVOSLAVNOI TSERKVI. 2017. Pp. 394. ISBN 978-966-2371-47-5; 10 USD.**

DOI: 10.29357/ISSN.2521-179X.2018.20.21

This work is the dissertation of Sergei Bortnik—Doctor of Theology and Docent of Kyiv Spiritual Academy—which he successfully defended in 2013 at the theology faculty of Heidelberg University in Germany. The book consists of five basic sections and also includes a significant introduction.

In the introduction the author outlines very important methodological contours and tasks. The first methodological contour is the *principle of analogy* (28), understood as a holistic description of the creativity of Metropolitan John Zizioulas, and not concentrating on one single theological feature. The second is the application of the contextual method, which allows the connection of the personality and context of Zizioulas (32).

In the first section the author quite consistently holds to his designated contextual method. It consists of two unequal blocks, dedicated to thematic shifts and personalities. The author notes that one of the main characteristics of the “new theology” to which he relates Zizioulas is the issue of experience (48). Referring to Karl Felmy, the author explains this “voluminous” and rather vague concept, demonstrating the distance

The article received on 14.01.2018; approved for publication on 13.03.2018.